

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ИЗ ПЕСКА И ПЕПЛА» И «МЕНЯЯ ЛИЦА»

Потерянные Сердца

ЭМИ ХАРМОН

Эпичная история об опасном путешествии
одной семьи через Орегонскую тропу

Эми Хармон
Потерянные сердца
Серия «Романы Эми Хармон»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66635796
Потерянные сердца: Клевер-Медиа-Групп; М.; 2022
ISBN 978-5-00154-703-7

Аннотация

Орегонская тропа, 1853. Наоми Мэй едва ли исполнилось двадцать лет, когда она овдовела. Это и стало началом настоящих испытаний для девушки и ее близких. В поисках лучшей жизни большое семейство Мэй отправляется в опасное путешествие на Запад.

Содержание

Пролог	5
Наоми	5
1. Сент-Джозеф, Миссури	14
Джон	14
2. Переправа	41
Наоми	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эми Хармон

Потерянные сердца

Посвящается моему мужу, прямому потомку настоящего Джона Лоури, и воздью Вашаки, который предсказывал, что о нем будут писать книги

Оригинальное название: Where the lost wander

Text Copyright © 2020 by Amy Sutorius Harmon

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing,

www.apub.com in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Пролог

Наоми

КОЛЕСО РАЗВАЛИЛОСЬ. С тех пор как мы отправились в путь в мае, это случалось уже не раз: то ось отвалится, то обод треснет. Но сейчас перед нами лежит долгий путь через сухую землю, где нельзя даже дать животным поpastись, — не лучшее место для стоянки. Однако выбора у нас не было. Папа и мой брат Уоррен уже много часов возятся с колесом, а мистер Бингам помогает им. Уиллу и Уэббу велено высматривать Уайатта и Джона, но стоит ясный, солнечный и теплый день, так что мальчишки играют в прятки среди камней и колючих кустиков шалфея, гоняясь друг за другом. Я им не мешаю. У меня нет сил, чтобы ругаться или искать им занятие получше. Уилл держит в руках лук — подарок Джона. Я смотрю, как мой братец целится в воображаемого врага. Стрела срывается с тетивы, свистит в воздухе и летит куда-то вниз, в овраг. Уилл уверенно и метко выпускает еще несколько стрел, а потом ныряет за очередной каменистый выступ. Уэбб следует за ним по пятам, как верный щенок, с нетерпением ожидая своей очереди. В последние несколько недель почти все время светило солнце. Я бы не отказалась от прохладного ветерка или даже снежных хлопьев, которые

можно поймать языком, хотя зима совсем не подходит для путешествия в повозках.

Младенцы тоже не подходят, но прямо сейчас Элси, жена Гомера Бингама, рождает, лежа в своей повозке, пока мужчины пытаются починить нашу. Караван ушел вперед. Нас обещали подождать у ручьев, до которых якобы всего день пути, нужно только догнать остальных по колее. Но мы и так уже на добрую милю отошли от основной колеи: прошлым вечером пришлось свернуть с дороги, чтобы найти воду и пастбище. Вот тогда-то у папы сломалось колесо, а Элси Бингам объявила, что ни шагу больше не сможет пройти. Ей все равно придется идти дальше. Не сегодня, но завтра точно. Придется снова перебираться через перевалы и переправляться через реки. Когда мама родила малыша Ульфа, она уже на следующий день была на ногах.

Я молилась, чтобы Бог послал мне сестренку. Как же я молилась! У мамы и так уже было четыре сына, а я не смогу оставаться с ней всегда. Мне двадцать, я уже успела выйти замуж и овдоветь, к тому же, когда мы доберемся до Калифорнии, я займусь собственными планами. Маме нужна была еще одна дочь – те, что умерли в младенчестве, не считаются, – чтобы помогать по хозяйству, когда я не смогу этого делать. Увы, мои молитвы не были услышаны: Господь послал маме еще одного сына, а мне еще одного брата. Но я недолго предавалась разочарованию. Стоило мне увидеть малыша Ульфа, который корчился, заливался плачем и бо-

ролся за каждый вдох, и я приняла его. Это был мой ребенок. Наш. Часть семьи.

– Он так похож на тебя в детстве, Наоми! – воскликнула мама. – А что, он вполне мог бы сойти за твоего собственного ребенка.

Мне и впрямь с самого начала казалось, что это мой сын, но, лишившись мужа, обремененная заботами о братьях, я не задумывалась о том, когда сама заведу малышей. Однако мама говорит, что уже много лет видит во сне моих детей.

Маме снятся очень яркие сны. Папа говорит, что это видения, как у Иосифа в Библии, того самого, что носил разноцветный плащ и был продан в рабство в Египет. Отец даже купил маме плащ как у Иосифа – из овечьей шерсти, раскрашенной в разные цвета и сотканной в единое полотно, – чтобы ей было что надеть по пути на Запад. Та пожурела его за лишние траты, но явно была рада.

Погода стоит жаркая, но мама по-прежнему не снимает плащ. Ей все время холодно, а малыш Ульф вечно голоден. Она говорит, что ее старое изношенное тело не готово было выкармливать еще одного ребенка. Но Господь рассудил иначе. Господь и наш папа. Я сказала отцу, что пора бы оставить маму в покое. Я искренне хотела промолчать, но иногда стоит мне что-то подумать, и слова сами срываются с губ. Папа до сих пор меня не простил, а мама страшно ругалась:

– Наоми Мэй, если я захочу, чтобы мой муж оставил меня в покое, мне ничто не мешает самой ему об этом сообщить!

– Я знаю, мам. Ты всегда говоришь что думаешь. Я вся в тебя.

Это ее рассмешило.

До меня доносится голос мамы. Она говорит бедняжке Элси Бингам, чтобы та встала на колени. Я прячу в сумочку блокнот в кожаном переплете и карандаш, беру Ульфа и несу его к Герте, нашей козе, которая пасется вместе с выпряженными из повозок волами. Мама попросила меня забрать малыша: его плач нервировал Элси, да и места мало. Трава вокруг дороги редкая, и все, что здесь росло, уже съедено под корешок. Между камней пробивается ленивый родничок. Животные столпились вокруг него.

Я дергаю Герту за вымя, но та даже не поднимает головы от мелкой лужицы, из которой пьет. Я ловлю в ладонь теплую струйку молока, обтираю им вымя, а потом подношу Ульфа к козе, чтобы его голодные, изогнутые в форме лука губки обхватили сосок. Если присесть и положить малыша к себе на колени, можно доить животное и кормить ребенка одновременно. Со временем я успела приловчиться, а Герта привыкла и уже не пытается убежать. Я никогда раньше не встречала таких покладистых коз; обычно они возмущенно вопят, точно израильтяне, когда Моисей уничтожил их золотого тельца.

Герта блеет, чем сбивает меня с толку. Я замираю. Звук повторяется. Это не Герта.

– Элси родила, – говорю я малышу Ульфу.

Тот смотрит на меня снизу вверх. Мама говорит, что со временем его глаза станут такими же зелеными, как у меня.

– Слава богу, – выдыхаю я.

Моим словам вторит мистер Бингам.

– Слава богу! – гремит его голос.

Мужчины выпрямляются, забыв про сломанное колесо. Папа издает торжествующий возглас и хлопает мистера Бингама по спине, радуясь за него и бедняжку Элси. До меня доносится еще один клич. Я не обращаю внимания – меня отвлекает малыш, который вертится у меня на коленях, и мысли о новом младенце, только что пришедшем в мир. Наверное, это Уэбб и Уилл присоединились к общему ликованию. Стоит мне подумать об этом, как я встревоженно вскидываю взгляд. Нет, звуки не похожи на голоса моих братьев. Кругом холмы, овраги и валуны – множество мест, где можно спрятаться. Из-за ближайшего утеса возникают индейцы верхом на лошадях – вооруженные копьями, украшенные перьями – и обрушиваются на нас. Один из воинов окровавленными руками зажимает рану на животе, из которой торчит стрела. Я цепенею, не веря своим глазам. Не мог ли Уилл случайно его подстрелить?

Герта вырывается и убегает. Я успеваю заметить, что молоко продолжает капать из вымени, оставляя влажные следы на сухой земле. Волы тоже разбегаются, а я не могу пошевелиться. У меня на глазах индейцы набрасываются на папу, Уоррена и мистера Бингама. Взырошенные, с закатанными

рукавами и пыльными потными лицами, мужчины успевают лишь растерянно уставиться на налетчиков. Отец падает, даже не вскрикнув, Уоррен пятится, протестуя выставив перед собой руки. Мистер Бингам пытается прикрыть голову, но безуспешно: дубинка с жутковатым звуком разбивает ему лицо, и он падает ничком в придорожные кусты.

Я прижимаю Ульфа к груди, застыв с разинутым ртом. Передо мной вырастает воин. Его волосы развеваются, обнаженный торс блестит, а рука сжимает дубинку. Я хочу зажмуриться и зажать себе уши, но оцепенение не позволяет мне этого сделать. Я могу лишь смотреть прямо на него. Он издает яростный вопль и заносит дубинку. Я слышу, как меня зовет мама: «Наоми! НА-О-МИ!» Но последний слог резко обрывается.

Меня сковал лед, но уши горят огнем: каждый крик боли и каждый победный клич достигают моих барабанных перепонки и отзываются многократным эхом. Воин пытается вырвать у меня Ульфа, но я не отпускаю – не потому что сильная, просто руки окаменели от ужаса. Я не могу отвести взгляд от своего палача. Тот что-то говорит, но для меня его речь лишь набор бессмысленных звуков. Я продолжаю смотреть. Воин заносит дубинку над моей головой. Я прижимаюсь щекой к кудрявой макушке Ульфа. Тупой безболезненный удар оглушает и ослепляет меня.

Время ускоряется и вновь замедляется. Мое собственное дыхание отдается у меня в ушах. Я чувствую, как прижимаю

к груди Ульфа и в то же время будто поднимаюсь над собственным телом и откуда-то сверху вижу последствия резни. Папа и Уоррен. Мистер Бингам. Индеец со стрелой в животе тоже мертв. Разноцветные перья трепещут под мирным синим небом. Это и впрямь стрела Уилла. Теперь я в этом уверена, но я нигде не вижу ни его самого, ни Уэбба.

Мертвого индейца закидывают на спину лошади. Мрачные лица его спутников искажены гневом. Они ничего не берут из повозок: ни муку, ни сахар, ни бекон. Не берут и волов, которые остаются мирными даже посреди резни. Но остальных животных индейцы уводят с собой. И меня. Меня и малыша Ульфа. Повозки они сжигают.

Усилием воли я пытаюсь подняться ввысь, к небу, где меня ждут мама, папа и Уоррен. Некоторое время я провожу в блаженном забытии, в полупрозрачном бреду. Но я не умерла. Я иду вперед, по-прежнему держа Ульфа на руках. Что-то дергает и тянет меня вниз, сокращая расстояние между моим парящим сознанием и шагающим телом. Натяжение усиливается, и я понимаю, что у меня на шее веревка. Вербка натягивается, когда я спотыкаюсь, и снова ослабевает, стоит мне выпрямиться. На негнущихся ногах я бреду следом за пегим пони. Пятна на его крупе напоминают кровь, которая пропитала парусиновые стены повозки Бингамов. Как же много было крови! И криков. Крики, вопли... А потом тишина.

Сейчас тоже тихо, и я не знаю, как долго иду в этом стран-

ном полузабытьи, глядя перед собой невидящим взглядом, прячась от осознания происходящего. Внезапно накатывает жуткая тошнота. Она застаёт меня врасплох. Я падаю на колени, и каша, которую я съела на завтрак много часов назад, оказывается на земле. Травинки, над которыми я наклонилась, щекочут мне лицо. Ульф заходится плачем. Веревка у меня на шее натягивается, и перед глазами все плывет. Чья-то рука хватается меня за косу, заставляя приподняться. Индейцы начинают спорить между собой, выхватив оружие. Ульф все кричит не умолкая. Я прижимаю его к груди, трусь щекой о его щеку и говорю ему на ухо:

– Тише, Ульф.

Звук моего голоса пугает нас обоих. Я не знаю, почему до сих пор жива. И почему жив Ульф. Моя кожа горит в ожидании боли. Я готовлюсь к тому, что в любую секунду мне рассекут лоб клинком. Этого не происходит. Я поднимаю взгляд на ближайшего индейца. Тот с шипением подносит кончик ножа к моему лицу, чуть ниже правого глаза. Я чувствую боль от укола. Из ранки выступает кровь. Тяжелая капля медленно ползет вниз по щеке. Его спутники улюлюкают, и эти крики заглушают плач Ульфа. Я вскакиваю на ноги и пытаюсь бежать, но веревка на шее дергает меня назад, и я падаю в собственную рвоту.

Человек, который порезал мне щеку, снова запрыгивает на лошадь. Мы продолжаем путь. Теперь с высоты за мной наблюдает лишь мой собственный страх, сама же я провали-

ваюсь в милосердное оцепенение. Ни мыслей, ни боли. Я по-прежнему держу брата на руках, а где-то там, у меня за спиной, вместе с дымом горящих повозок растворяется в небе вся моя жизнь.

Май 1853

1. Сент-Джозеф, Миссури

Джон

ОНА СИДИТ НА КРАЕШКЕ бочки прямо посреди широкой улицы – желтое платье и белая шляпка придают ей сходство с цветком – и наблюдает за толпой прохожих. Все куда-то торопятся, пыльные и недовольные, а она сидит, чинно выпрямив спину, сложив руки на коленях, и смотрит на всех, как будто ей самой спешить некуда. Может, ей веле-но стеречь содержимое бочки. Впрочем, нет, я припоминаю, что бочка стояла здесь и вчера, и позавчера, и уверен, что в ней ничего нет.

У меня на голове новая шляпа, а на ногах новые сапоги. В руках я несу стопку холщовых рубашек и штанов, которые затолкаю в седельные сумки в довесок к кофейным зернам, табаку и бусинам, они пригодятся мне на пути в Форт-Кирни. Возможно, меня привлекает яркий цвет ее платья или женственная фигура, или просто дело в том, что она единственная сидит неподвижно посреди спешащей толпы. Так или иначе, я замираю, заинтригованно наблюдая за ней и перекладывая свою ношу из руки в руку.

Через несколько мгновений ее взгляд останавливается на мне. Я не отвожу глаз – не из гордости или высокомерия, хо-

тя знаю, что отца, к примеру, раздражает мой прямой взгляд. Но я устоял на нее просто из чувства самосохранения: мне важно понять, с кем я имею дело. Она, похоже, удивляется, что я продолжаю смотреть. Потом улыбается. Эта приветственная улыбка и красивые губы приводят меня в замешательство, и я отвожу взгляд. И тут же хмурюсь, осознав, что сделал. Я позволил ей сбить меня с толку, смутился, точно Котелок, мой мамонтовый осел. Я тут же вновь поднимаю взгляд. Шея горит, в груди становится тесно. Она спрыгивает с бочки и идет ко мне. Я слежу за ее приближением. Мне нравится грация ее движений, упрямый подбородок, но я знаю, что люблюсь впустую. Вероятно, она просто пройдет мимо, прошуршав юбками и похлопав ресницами, намеренно проявляя безразличие, как свойственно большинству красивых женщин. Но нет, она останавливается прямо передо мной и протягивает руку, продолжая улыбаться и спокойно смотреть на меня без малейшего кокетства.

– Здравствуйте. Я Наоми Мэй. Мой папа купил мулов у вашего отца, мистера Джона Лоури. Или вас обоих зовут Джон Лоури? Кажется, папа что-то такое говорил.

Ее ладонь перепачкана, кончики пальцев черные, а ногти короткие, как у меня. Грязная рука совсем не сочетается с ее аккуратным нарядом и светлой кожей. Она замечает, как я смотрю на ее пальцы, и слегка морщится. Закусывает губу, будто расстроена, что я заметил, но руку не убирает. Я не принимаю рукопожатие и не отвечаю на вопросы. Вместо

этого я приподнимаю шляпу свободной рукой, чтобы приветствовать даму, но не касаясь ее.

– Мэм.

Она продолжает улыбаться, но руку опускает. У нее удивительно зеленые глаза, россыпь коричневых веснушек покрывает щеки и нос. Красивый прямой нос приятной формы. Да и все в ней приятно глазу. Мне хочется провести пальцем по собственному носу и нащупать горбинку на переносице. Я тут же чувствую себя глупо. С чего вдруг мне сравнивать себя с хрупкой белокожей женщиной? Мы молча рассматриваем друг друга, и я вдруг осознаю, что не помню, о чем она спрашивала и что говорила. Кажется, я даже собственное имя успел забыть.

– Вы ведь мистер Лоури, верно? – помедлив, мягко уточняет она, будто услышав мои мысли.

Потом до меня доходит, что она просто повторила вопрос.

– Э-э, да, мэм.

Я снова приподнимаю шляпу, извинившись, делаю шаг в сторону и удаляюсь. С губ срывается тихое ругательство. Оно словно покалывает язык, но я сглатываю и иду дальше. Я мужчина, мне свойственно обращать внимание на хорошеньких женщин. Тут нечего стыдиться и не о чем задумываться. Но она не просто хорошенькая. Она меня заинтересовала. Мне хочется оглянуться.

Сегодня в Сент-Джозефе царит суэта. Стоит весна, караваны переселенцев готовятся отправиться на Запад. За про-

шедшие две недели мой отец продал больше мулов, чем за всю прошлую весну. Все хотят купить мулов Лоури, но мы уже распродали своих и за тех, что продаем сейчас, с которыми мы не работали, а просто выкупили, не отвечаем. Отец сразу говорит покупателям, что это не мулы Лоури, и отдает их дешевле. Интересно, какие животные достались ее отцу: наши или совсем зеленые, только что купленные с рук? Она знает, кто я такой, хотя я ее никогда раньше не видел. Я бы запомнил.

Я оглядываюсь. Ничего не могу с собой поделать. Она смотрит на меня, чуть наклонив набок голову в шляпке, сцепив руки перед собой и прижав их к подолу слегка выцветшего желтого платья. Она снова улыбается, точно ее вовсе не расстроило, что я отказался с ней разговаривать. Да и с чего ей расстраиваться? По мне и так видно, что она меня заинтересовала. Я чувствую себя последним болваном.

Она так и стоит посреди улицы. Вокруг нее куда-то торопятся прохожие, повозки и лошади, мужчины таскают мешки с мукой, женщины водят за собой детей. Она знает мое имя, и это почему-то меня тревожит, несмотря на то, что меня с самого детства зовут Джоном Лоури. Меня называли в честь отца, тоже Джона Лоури, хотя он меня стыдится. Или, может, ему стыдно за себя. Не знаю. Его жена, Дженни, всегда называет меня Джон Лоури – не Джон и не Джонни, – чтобы почаще напоминать нам обоим, кто я такой. В племени моей матери меня называли Две Ноги. Одной ногой в ми-

ре белых, другой – в мире пауни. Но я не разделился пополам, не освоился в обоих мирах. Нет, я остался чужим и тут, и там.

Мать дергает меня за волосы, иступленно, яростно, с неожиданной жестокостью. Я кричу, и она падает на колени, опустив голову. Ровный пробор между ее косами – словно дорога, ведущая вниз. Я касаюсь этой линии, чтобы напомнить матери, что я все еще здесь. Из ее груди вырывается тихий вой, как будто я причиняю ей боль.

– Джон Лоури, – говорит мама и хлопает ладонями по деревянным половицам, словно подчеркивая свои слова.

Белая женщина комкает в руках фартук, а мужчина, сидящий у очага, молчит.

– Джон Лоури. Сын. Джон Лоури, – настаивает моя мать, а я не понимаю, что она пытается этим сказать.

Мне немного знаком язык белых. Мама берет меня с собой, когда ходит на работу к ним в дома и на фермы.

– Сын жить здесь, – решительно требует она.

– Мэри! – восклицает белая женщина и тянет к ней руки.

Я не раз слышал, как другие тоже называли ее Мэри. Мама мотает головой и стонет, повторяя свое имя на языке пауни. Она снова встает и дергает меня за волосы, прямо как детвора в деревне. У меня кудри – у пауни таких не бывает. Я ненавижу свои волосы, но мама никогда раньше так не делала.

– Белый ребенок, – говорит она. – Джон Лоури. Сын. – Мать указывает на моего отца. – Сын.

Я прогоняю эти воспоминания и открываю дверь в лавку отца, больше не оглядываясь, чтобы проверить, осталась ли девушка стоять посреди улицы. В передней части магазина мой отец торгует снаряжением – всем, что необходимо, чтобы запрячь животных в повозку, а на заднем дворе – мулами. Там сооружены загоны и стойла, а на соседней улице стоит двухэтажный дощатый дом – владения Дженни. Мой отец сумел разбогатеть с тех пор, как прибыл в Сент-Джо¹ с одним ослом, двумя кобылами, тремя детьми и женой, которая была против переезда.

Дженни могла бы выгнать меня. И мою мать тоже. Но она этого не сделала. Я был никому не нужен: ни маминому племени, ни народу отца. Но в доме Дженни меня не презирали, не били и не морили голодом. Она заботилась о нас. О нем. И продолжает заботиться. В хозяйстве все налажено, на столе всегда ждет еда. Отец, в свою очередь, тоже заботится о ней: дает пропитание и кров, принимает решения. Впрочем, точно так же он заботится о мулах и кобылах. Осмелюсь предположить, что они ему больше по нраву. Отец никогда не бывал с нами жесток, ни разу не поднял руку ни на меня, ни на семью, однако он холоден и молчалив. Раньше я его

¹ Так Сент-Джозеф называют местные жители. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

боялся и старался всегда следить за ним, чтобы держаться на расстоянии.

Я обнаруживаю, что отец один в лавке. Это редкость. Он предпочитает работать с животными. Лерой Перкинс торгует снаряжением, а мы с отцом продаем мулов. На время моего отсутствия ему придется нанять нового помощника. Я буду скучать по лавке. В загонах пахнет хаосом – пóтом и лошадьми, пылью и навозом, а здесь – порядком, выделанной кожей, маслом и железом. Я втягиваю носом этот чистый аромат и задерживаю дыхание. На выдохе с моих губ срывается вопрос:

– Ты продал мулов человеку по фамилии Мэй?

Отец поднимает на меня нечитаемый взгляд. Мне знакомо это выражение лица. Он думает. У моего отца голубые глаза и красные щеки. В детстве он казался мне огромным, хотя теперь я такого же роста. И такого же телосложения: высокий, широкоплечий, узкобедрый, с длинными ногами, большими ступнями и крепкими руками. Мне не достались его льдистые глаза и соломенные – теперь уже седые – волосы, но двигаюсь я так же, как он. Та же походка. Та же осанка. Я научился быть похожим на него или, может, с самого начала был на него похож. Теперь я уже не боюсь его. Я просто устал жить в его тени.

– С ним, возможно, была дочь, – добавляю я, стараясь, чтобы мое лицо ничего не выдало.

Но, боюсь, отца не проведешь. Его напряженно намор-

щенный лоб разглаживается.

– Уильям Мэй. С ним была вся его семья. Куча детей, некоторые взрослые, другие помладше, и жена, судя по всему, ждет еще одного.

Я молчу, думая о Наоми Мэй, ее желтом платье, зеленых глазах и веснушках на переносице.

– А что? – отрывисто спрашивает отец, будто ждет дурных вестей.

– Хорошие ему достались мулы?

– Не наши. Но хорошо сочетаются друг с другом. Надежные, привычные к повозкам и людям. Повозки у него тянут волю. Мулов он купил на всякий случай. Большую часть времени на них будут ехать верхом или перевозить мелкие грузы.

Я киваю, удовлетворенный таким ответом.

– Теперь я вспомнил его дочь. Блестящие глаза. Задаст много вопросов. – Отец снова поднимает взгляд на меня. – Хорошенькая.

Я фыркаю, изображая безразличие. Мы с отцом никогда не обсуждаем женщин и вообще не тратим время на пустую болтовню. Обычно мы говорим только о мулах – на этом все. Поэтому меня удивляет это неожиданное замечание.

– Они пойдут с караваном Эбботта, так что ты сможешь присмотреть... за мулами. Раз они тебя так тревожат, – добавляет он.

Я киваю, стараясь не выдать свое волнение. Грант Эбботт,

брат Дженни, считает себя траппером², хотя занимался охотой совсем недолго. В сорок девятом он отправился в Калифорнию, но разбогатеть так и не сумел. Он уже три раза бывал в Орегоне и наконец решил, что сопровождать переселенцев выгоднее, чем промышлять охотой и золотоискательством. К тому же этот малый просто не способен сидеть на месте. Он уговорил меня отправиться с ним в Форт-Кирни, по ту сторону реки Платт. Я уже раз десять перегонял туда мулов. Всякий раз я думал, не продолжить ли мне путь на Запад, и всякий раз возвращался в Сент-Джо к отцу.

Если я иду с караваном, мне не нужно нанимать помощника, а Грант Эбботт заплатит мне за помощь в охране и других делах, да и несколько лишних мулов могут быть полезны. С большим караваном всегда проще и безопаснее, хотя двигаться приходится намного медленнее. Я всегда обходился без неприятностей. Я хорошо управляюсь с животными, ни к кому не лезу, хорошо работаю. Я простой погонщик мулов, а мой слегка необычный вид, как правило, никого не смущает. Только однажды меня обозвал «грязным краснокожим» человек, который сам никогда не мылся. Но через два дня он умер от холеры, потому что поленился подняться выше по течению за чистой водой.

– Ты готов? – спрашивает отец, хотя и так знает, что я готов.

Мулы, которых заказал капитан Демпси, уже стоят в от-

² *Траппер* – охотник на пушных зверей в Северной Америке.

дельном загоне, чтобы их случайно не продали. Они навьючены и накормлены, а грузы, которые они повезут, в том числе мое снаряжение, уже собраны. Я показываю свою ношу:

– Мне осталось только это отнести. Рубашки и штаны. Пойдут на обмен.

– Холстина намного удобнее замши, – соглашается отец. Он сегодня удивительно разговорчив, я уже не знаю, что и думать. – Дженни просила напомнить тебе, чтобы ты зашел домой постричься, – добавляет он.

– Прямо сейчас схожу к ней, – покладисто отвечаю я.

Дженни никогда не забывает о подобных вещах. Когда у меня слишком отрастают волосы, я становлюсь больше похож на пауни, чем на сына мистера Лоури, и окружающих это настораживает. Поэтому я коротко стригусь и аккуратно причесываюсь. Я не носил длинные волосы с детства. Когда я только попал в дом к отцу, Дженни попыталась распутать мои колтуны, но в итоге просто их остригла. С тех пор мои кудри так и не отросли. Долгое время я был уверен, что они ушли вслед за моей матерью вместо меня.

Дженни предложила мне называть ее мамой, но я не могу. Я понимаю, что она просит об этом не из гордости или стыда. Просто всем нам удобнее, чтобы другие люди считали меня ее сыном. Дженни светлая кожа, но глаза у нее карие, а волосы каштановые. Жители Сент-Джо думают, что я пошел в нее, а не в отца, хотя я намного смуглее. Ну или они просто предпочитают не задаваться такими вопросами. Девочки –

мои единокровные сестры – унаследовали от отца цвет глаз, а волосы у них светлее, чем у Дженни. Я обращаюсь к ней по имени, когда рядом никого нет. При чужих людях я называю ее «мэм» или вообще никак. Для меня назвать ее матерью – это все равно что отречься от той девушки-пауни с тяжелыми косами и кривой улыбкой.

Моя мать отворачивается и уходит прочь, приказав мне остаться. Я бегу за ней. Ее худые руки решительно отталкивают меня. Лицо застыло, подбородок упрямо выпячен. Глаза яростно сверкают. Я много раз видел это выражение на ее лице и знаю, что она не уступит, но мне все равно. Я не отстаю. Мать хватает меня за спутанные волосы и снова подводит к мужчине, который выскочил из дома вслед за нами. Она показывает на него, затем на меня. И опять пытается уйти. Я все равно плетусь за ней, и тогда она садится, скрестив ноги, положив руки на колени и глядя прямо перед собой. Я устраиваюсь рядом. Так мы сидим всю ночь, пока моя мать притворяется, что не видит меня. Она больна. С каждым вдохом в ее груди что-то трещит, словно погремушка лекаря; кожа горячая на ощупь, но мама не жалуется. После того как она, несмотря на все просьбы, отказывается сойти с места или вернуться в дом, белый человек приносит нам одеяла. Утром я просыпаюсь под открытым небом. Мамин взгляд давно остановился, а тело остыло.

Белый человек уносит ее, а его жена ведет меня в дом.

Внутри меня пустота: в груди, в голове, в глазах. Я не плачу, потому что внутри ничего нет. Я уверен, что мне все это снится. Две девочки с тонкими косичками, едва достигающими до плеч, пристально смотрят на меня. Они маленькие, младше меня, а глаза у них такие же голубые, как у белого мужчины, который унес мою мать. А вот белая женщина темно-глаза и темноволоса, как я, хотя кожа у нее белая, как луна, а щеки розовые. Я предпочитаю смотреть на нее, а не на голубоглазых детей и надеюсь, что она успеет покормить меня до того, как я проснусь. У меня внутри пусто.

– Это индеец, мамочка? – спрашивает у белой женщины одна из девочек.

– Это мальчик, у которого нет семьи, Сара.

– Значит, мы станем его семьей?

У младшей девочки не хватает двух зубов, поэтому она шепелявит, но я легко ее понимаю. Я часто проводил время с белыми детьми.

– А как его зовут? – спрашивает беззубая малышка.

– Его зовут Джон Лоури, Хэтти, – отвечает белая женщина.

– Это не индейское имя, – морщится Сара. – Так зовут папу.

– Да. Просто он папин сын, – мягко объясняет женщина.

Я начинаю плакать. Из моего горла вырывается вой, и девочки зажимают уши. Младшая заходится плачем вместе со мной, и у меня внутри уже не пусто. Меня переполняют ужас

и вода. Она льется у меня из глаз и изо рта.

– Ты вернешься, Джон? – спрашивает отец.

Он смотрит на учетную книгу, лежащую перед ним, но его рука, сжимающая карандаш, неподвижна. Я ничего не понимаю.

– Я буду где-то через час. А где Лерой? Ты хочешь, чтобы я помог на заднем дворе?

– Нет. Не сейчас. Я не об этом. Ты вернешься... в Сент-Джо?

Я сжимаюсь, услышав эти слова, точно он говорит, что не хочет, чтобы я возвращался. Но потом отец поднимает взгляд, и я вижу, как в его глазах, словно солнце на поверхности воды, блестит напряжение. Его лицо кажется бесстрастным, слова звучат безразлично, но в глазах плещутся переполняющие его чувства, и это сбивает меня с толку.

– Куда же я денусь? – говорю я.

Отец кивает, как будто ему достаточно такого ответа. Я решаю, что разговор окончен, и поворачиваюсь к двери, но он вдруг продолжает:

– Я бы понял, если бы ты решил не возвращаться. Мир большой. – Отец приподнимает руку, указывая на все, что находится к западу от широкой реки Миссури, которая протекает рядом с Сент-Джозефом. – Я слышал, что рядом с Форт-Кирни есть деревня пауни.

– Ты хочешь, чтобы я ушел жить к пауни? – Мой голос

звучит так сухо, что не выдает чувств, спрятанных глубоко внутри, как подземная река. — Думаешь, там мое место?

Его плечи слегка опускаются.

— Нет. Я этого не хочу.

У меня вырывается недоверчивый смешок. Не то чтобы я злился. На мою долю не выпало никаких немислимых страданий. Мне не за что мстить отцу, и я не пытаюсь его уязвить. Но все это неожиданно, и я вдруг обнаруживаю, что мое удивление пронизано болью.

После смерти матери я иногда убегал в деревню пауни, чтобы навестить бабушку, но остальные жители племени не питали ко мне теплых чувств и ждали, что я им что-нибудь принесу. Они голодали, а я нет. Однажды я украл у Дженни всю муку и сахар, чтобы пауни меня приняли. Я знал, что отец купит еще, а у моих соплеменников ничего не было. Дженни, не пряча слез, высекла меня прутом, а сестры смотрели на порку из окна. Она сказала, что, если не накажет меня, я продолжу в том же духе. А я все равно продолжал, несмотря на порку. Отец всякий раз добывал еще еды, хотя на это уходило немало времени, и порой мы неделями обходились без хлеба.

Вскоре после этого мы переехали в Сент-Джозеф, и отец продал все, что имел, чтобы купить хорошего осла для разведения мулов. Индепенденс, находившийся южнее, и так был переполнен заводчиками и погонщиками мулов. Сент-Джозеф оказался городком поменьше, но тоже хорошо под-

ходил на роль перевалочного пункта для тех, кто направлялся в Орегон. Отец сказал жене, что новомодное стремление перебраться на Запад непременно обеспечит спрос на мулов. Дженни была уверена, что мы все умрем с голоду, хотя кормить целую деревню пауни было, надо думать, немногим лучше. Но отец не ошибся. Мулы оказались его призванием. Он не просто преуспел в их разведении – он понимал этих животных, а они понимали его. Через пять лет он уже стал главным поставщиком выючных мулов для гарнизонов Форт-Ливенворта и Кемп-Кирни, что на реке Миссури. Когда Кемп-Кирни переехал с берега Тейбл-Крик в глушь Небраски, на берег Платта, я отправился туда вместе с армейским обозом и перегнал дюжину отцовских мулов через двести миль прерий. Я проделываю это каждую весну уже пять лет подряд, и завтра мне предстоит снова отправиться в путь.

– Я любил ее, – говорит отец, и я с трудом узнаю его голос.

Эти слова прерывают мои размышления о попытках обменять мешки с мукой на чужое расположение и о нашем переезде в Сент-Джо.

– Что?

– Я любил ее, – повторяет отец.

Он успел отложить карандаш, и теперь его растопыренные пальцы прижаты к странице учетной книги, как лапы испуганного кота, который пытается поймать равновесие. Я начинаю думать, что он заболел... или напился, хотя с виду не

похоже ни на больного, ни на пьяного.

– Кого? – уточняю я, но внезапно понимаю, о ком речь.

Я тянусь к ручке двери. Глаза отца сверкают, губы сжимаются. Он думает, что я издеваюсь над ним. На самом же деле я настолько выбит из колеи, что просто не способен над ним насмехаться.

– Мэри, – отвечает он.

– Значит, так ты себя успокаиваешь? – вырывается у меня.

И вновь собственные чувства застают меня врасплох. В моем голосе слышится злость. И неуверенность. Отец никогда не говорил о моей индейской матери. Ни разу. Я не знаю, что подтолкнуло его к этому разговору.

– Это правда, – возражает он. – Я понимаю, ты считаешь меня последним ублюдком. И ты прав... Но я виновен... далеко не во всех грехах, которые ты мне приписываешь.

– К чему это все?

Мой голос превращается в шипение. Я не верю ему и не хочу думать об этом разговоре всю дорогу после отъезда из Сент-Джо.

– Жизнь со мной пришлась Мэри не по душе. Когда она захотела уйти, я ее отпустил. И тебя тоже отпущу. Но ты должен знать, что я ее не принуждал. Никогда. Ни единого раза. И я бы посвятил свою жизнь заботе о ней, если бы она позволила. Я не знал о твоём рождении, пока она не привела тебя ко мне, к нам с Дженни, восемь лет спустя.

Я не знаю, что сказать. У меня в голове пусто, а на сердце

огромная тяжесть.

— Каждый раз, когда ты уезжаешь, я жалею, что не сказал тебе. Я пообещал себе, что больше не позволю тебе уехать, не прояснив этот вопрос, — говорит отец.

— Ты болен? — спрашиваю я. Моя мать начала вести себя странно, когда поняла, что скоро умрет.

— Нет, не болен.

Мы молча стоим среди упряжи и хомутов, вожжей и трюсов. Я упер руки в бока; руки отца, сжатые в кулаки до побелевших костяшек, лежат поверх прилавка, который он сам когда-то поставил, начав собственное дело с нуля. Все это произошло у меня на глазах. Я восхищался его предприимчивостью. Я почти всегда им восхищаюсь. Но все остальные чувства, которые я к нему испытываю, перевиты и измочалены, как старая бечевка, и я не готов распутывать их прямо сейчас, в его присутствии. Даже теперь, когда я узнал нечто новое. Особенно теперь. Тяжело вздохнув, я коротко киваю, открываю дверь и выхожу, осторожно прикрыв ее за собой.

* * *

Я не сразу иду к Дженни. У меня внутри все связалось в тугой узел, а грудь горит. Отец умеет за один разговор вскрыть меня, словно ножом, и вот я уже копаюсь в собственной душе, как будто это поможет мне лучше понять его. Я не верю, что он любил мою мать, не уверен, что отец вооб-

ще способен испытывать такие чувства. Но даже то, что он произнес эти слова, для меня невыносимо. Я снова начинаю думать, что он болен, смертельно болен, стоит над пучиной и чей-то меч подталкивает его в спину, как шекспировского Перикла, про которого Дженни читала нам вслух. Жжение у меня в груди распространяется, растекаясь по рукам до самых пальцев. Я резко останавливаюсь. Лучше бы мне было все равно. Я оказался на пути у маленького ребенка. Тот озадаченно останавливается:

– Простите, мистер.

Мальчик делает шаг назад и смотрит на меня, прищурив глаза от дневного солнца. Чтобы встретиться со мной взглядом, он так высоко задирает подбородок, что шляпа падает с его головы, высвобождая копну рыжевато-каштановых волос, торчащих в разные стороны. Мальчик постарше, стоящий у него за спиной, наклоняется за фетровой шляпой и водружает ее на пушистую макушку младшего. Шляпа ему велика, а торчащие в разные стороны волосы напоминают мне о том, куда я шел. Я поворачиваюсь к отцовской лавке, к дому, где ждет Дженни с ножницами, но в это мгновение мальчиков догоняет их мать, которая останавливается передо мной. Вслед за ней подходит и третий сын.

– Мистер Лоури.

Женщина протягивает мне руку. Вторая ее ладонь лежит на изгибе огромного живота. В тени шляпки прячутся зеленые глаза. Засмотревшись на их цвет, я пожимаю малень-

кую грубоватую руку женщины. Уже второй раз за сегодняшний день ко мне подходит зеленоглазая незнакомка, которой откуда-то известно мое имя. Только у этой женщины глаза намного бледнее. Все в ней какое-то выцветшее – платье, шляпка, кожа, улыбка. Ее усталость почти осязаема. Мальчики толпятся вокруг женщины, и все они слишком похожи друг на друга и на нее, так что нет никакого сомнения: это их мать. Младший мальчик с рыжеватыми волосами и шляпой, которая ему велика, принимается взволнованно тараторить:

– Наша фамилия Мэй. Мы поедем на Запад вместе с мистером Эбботтом. Завтра отправляемся. Мы купили мулов у вашего папы, мистера Лоури. Мама разрешила мне придумать им имена. Мистер Лоури сказал, что имена должны быть простые и короткие, как приказы. Так что, наверное, назову их Плут и Тюфяк, потому что первый хитрый, а второй неуклюжий. Папа говорит, вы погонщик мулов. Я тоже стану погонщиком мулов, когда вырасту. У меня будут целые загоны с мулами. А ферму я назову «Мулы Уэбба Мэя», но вы не беспокойтесь, мистер Лоури, у вас и вашего папы я покупателей не отниму. Я в Сент-Джо не останусь. Я еду в Калифорнию.

Я киваю, но мне не удается скрыть свое удивление. Женщина устало улыбается:

– Вы вчера были в дальнем загоне, когда мы пришли за мулами. Мы вас видели, а вы нас нет. Ваш отец сказал, что вы поедете с нашим караваном. Простите, что все так сумбурно.

Самый высокий из ребят, лет пятнадцати-шестнадцати, протягивает мне руку:

– Я Уайатт Мэй, мистер Лоури.

Он производит впечатление серьезного парня, и голос у него низкий, как у мужчины, хотя с виду он еще мальчишка. Голос меняется первым. Со мной было так же. В один прекрасный день я проснулся и обнаружил, что у меня в горле сидит жаба, которая говорит голосом моего отца, стоит мне только открыть рот.

– Я Уилл, – представляется средний из братьев.

Я ни за что их всех не запомню, но все равно киваю.

– Я уже познакомился с... Наоми, – говорю я.

Ее имя я отлично помню. Стоит мне произнести эти слова, и я уже ругаю себя за них. Называть ее по имени слишком фамильярно, хотя ее родные не обращают на это никакого внимания.

– Она вечно где-то бродит, – отвечает младший из мальчиков. Как, он сказал, его зовут? Уайатт? Нет. Уэбб. «Мулы Уэбба Мэя». – Наверное, сидит где-нибудь и рисует. Из нее бы не вышел погонщик мулов. Папа говорит, что она сама не лучше мулов, до того упрямая. А погонщику мулов нужно иметь терпение, правда, мистер Лоури?

– А вы не знаете, где сейчас Наоми? – спрашивает миссис Мэй.

– Нет, мэм. Уже почти час прошел с тех пор, как я с ней говорил. – Окружающая нас толпа так и давит на меня, и

смятение, вызванное разговором с отцом, перерастает в тревогу за пропавшую Наоми. – Но когда найдете ее... скажите, чтобы не уходила никуда одна. В Сент-Джозефе полно неотесанных мужланов и чужаков.

– Она, наверное, пошла купить бумаги, мам. Бумаги и карандашей, – подсказывает старший мальчик.

– Возле почты есть магазин с такими товарами, – говорю я.

– Неотесанные мужланы и чужаки, – повторяет миссис Мэй, обводя взглядом толпу. – Нам повезло, что вы отправитесь в путь с нашим караваном, мистер Лоури. Утешительно, что с нами будет кто-то опытный.

– Я дойду с вами только до Форт-Кирни, мэм.

Несколько секунд она пристально всматривается в меня.

– Думаю, путь до Форт-Кирни покажется вам слишком коротким, мистер Лоури.

Мне странно это слышать, учитывая, как тяжело даются эти две сотни миль большинству семей. Дождливая, ветреная, бесконечная дорога. Мне жаль эту женщину. Ей многое предстоит пережить.

– Папа говорит, до Калифорнии две тысячи миль, – печально вздыхает Уайатт.

Я киваю. Все семейство смотрит на меня, задрав подбородки и широко раскрыв глаза, ожидая, что я скажу что-нибудь еще. Станные они. Я тут же мысленно поправляю себя: нет, не странные. Искренние. Прямолинейные. Они не

опускают глаза, не сторонятся меня, не боятся, что их увидят рядом со мной.

– Вот мы и снова встретились, мистер Лоури, – раздается чей-то веселый голос.

Наоми Мэй, сжимая в руках коричневый бумажный сверток, пересекает изрытую колеями улицу, ловко уворачиваясь от прохожих и лошадей. Я отвожу взгляд, когда она останавливается рядом со мной, будто мы старые друзья. Она не пытается взять меня под руку или как-то еще коснуться меня, как делают некоторые женщины – те, у которых невинное личико, а на уме одно коварство.

– Мисс Мэй, – говорю я.

У меня вдруг перехватывает дыхание.

– Она миссис Колдуэлл, мистер Лоури, – тут же поправляет меня Уэбб. – Но мы просто зовем ее Наоми.

У меня внутри все обрывается, но я стараюсь не обращать на это внимания и отступаю на шаг, переводя взгляд на миссис Мэй.

– Когда вы переправляетесь? – спрашиваю я, глядя только на нее.

– Очередь такая длинная... Но, кажется, мистер Мэй договорился, чтобы нас переправили на барке.

Морщинка между бровями миссис Мэй становится глубже.

– Я вчера видел, как лодка перевернулась, мистер Лоури! И повозка, и люди – все в воду попадали! – Судя по голосу,

Уэбб был в восторге от зрелища.

– Не пытайтесь переправиться на барках. Если у вас нет никого, кто хорошо знает реку, не гоните животных вплавь. Отправляйтесь к парому Деккера. Туда не так-то просто пробраться сквозь деревья, зато на том берегу есть пастбище и место, где вы сможете подождать, пока переправится весь караван. И еще торговый пост Уайтхэда на случай, если нужно будет что-нибудь докупить, – объясняю я.

– Я скажу мужу. Спасибо вам, мистер Лоури.

– А вы тоже будете переправляться на пароме, мистер Лоури? – встречает Наоми.

– Я перегоню мулов вплавь прямо здесь, но потом буду помогать мистеру Эбботту у торгового поста.

Упрямо не глядя на нее, я отступаю еще на несколько шагов, не желая задерживаться надолго. Я взволнован, а ее присутствие лишь усиливает мое волнение.

– Тогда увидимся на месте, мистер Лоури, – говорит миссис Мэй, слегка склонив голову.

Я в ответ приподнимаю шляпу. Все семейство провожает меня взглядом.

* * *

Дженни дремлет у большого окна. Мягкие лучи заходящего солнца проникают внутрь сквозь легкие белые занавески, которыми задернуты широкие стекла. На коленях у нее

раскрыта Библия. Ладони Дженни лежат поверх страниц, как будто она не спит, а внемлет откровению, которое несут ей строки Писания. На свету морщинки, покрывающие ее кожу, исчезают, и на мгновение она кажется мне намного моложе своих сорока пяти лет. Мой отец на пятнадцать лет старше нее, но о разнице в возрасте легко забыть, ведь я никогда не знал их по отдельности. Услышав мои шаги, Дженни резко открывает глаза, захлопывает Библию и встает, откладывая книгу в сторону.

– Джон Лоури, – говорит она вместо приветствия.

– Дженни. – Я, как положено, снял шляпу, прежде чем войти.

Взгляд Дженни останавливается на моей непокрытой голове.

– Тебя пора подстричь, – объявляет она, как будто только что заметила, а не послала за мной отца.

– Я уеду сегодня вечером, – невпопад говорю я, намекая, что надолго не задержусь.

– Что?

– Перегоню мулов вечером и встану лагерем на другом берегу. Если отложу до утра, то зря потрачу время, дожидаясь, пока все обсохнут. – Я не планировал так делать, но слова сыплются сами собой, как будто я все продумал заранее.

– Значит, отправляешься сегодня? А как же сестры? Они захотят с тобой попрощаться.

– Меня не будет четыре недели... Может, пять, не боль-

ше. Зачем нам прощаться? – Только долгих проводов мне не хватало.

Дженни ведет меня через безупречно чистую кухню к заднему крыльцу, которое выходит на пастбище за отцовскими конюшнями. На травке пасутся кобылы вместе с жеребятами. За последние недели их родилось десять штук – десять мулов Лоури, которые пойдут на продажу следующей весной. Но именно кобылы заставляют меня залюбоваться. Некоторые заводчики скрещивают своих лучших ослов с посредственными лошадьми, и зря. Мой отец говорит: «Все зависит от кобылы. Самые лучшие мулы рождаются у самых лучших лошадей. Осел тоже важен, но главное – это хорошая кобыла». Пока выходит, что он прав.

Я сажусь на привычную скамеечку. Она достаточно низкая, чтобы Дженни не нужно было тянуться, но из-за этого мои колени неловко торчат вверх. Я чувствую себя ребенком всякий раз, когда соглашаюсь постричься, но для нас это особый ритуал. Дженни несвойственны ласка и любвеобильность. Она прикасается ко мне только во время стрижки. Когда мне было тринадцать, я сбежал из Сент-Джо, чтобы вернуться в мамину деревню. Я три дня добирался туда верхом, но обнаружил, что деревня исчезла. Через неделю я вернулся к отцу, грязный и понурый, ожидая, что меня высекут и отругают. Вместо этого Дженни усадила меня на скамейку и подстригла. От ее мягких прикосновений я расплакался. Она тоже плакала, щелкая ножницами. Покончив со

стрижкой, Дженни заставила меня как следует отмыться – пришлось тереть кожу мочалкой до красноты. Потом меня накормили и отправили спать. Отец без обиняков объявил мне, что, если я еще раз уеду не предупредив, назад меня не пустят: «Хочешь уйти? Уходи. Но будь мужчиной и скажи нам об этом в лицо».

– Хорошие у тебя волосы, Джон Лоури.

Дженни всегда так говорит, но все равно их состригает. Она принимается за дело, кромсает и чикает, пока наконец не откладывает ножницы. Обмахивает фартук, снимает с моих плеч кусок ткани и встряхивает его над двором.

– Отец болен? – спрашиваю вдруг я.

Она заметно вздрагивает, и ее удивление немного успокаивает меня. Дженни бы заметила.

– Ты здесь живешь, Джон Лоури. Работаешь с ним каждый день. Тебе прекрасно известно, что он здоров.

Она стряхивает волоски с моей шеи.

– Я его сегодня не узнаю, – бормочу я.

– Он мучается, когда ты уезжаешь, – тихо отвечает Дженни.

– Неправда.

– Правда. Это муки любви. От них страдают все родители. Мучительно знать, что ты не можешь ни уберечь, ни защитить. Не бывает любви без боли.

Я знаю, что она права. И она это тоже знает. Мы умолкаем. Я снова надеваю шляпу, пряча под нее все, над чем так

старалась Дженни, и встаю, резко делаясь выше. Точно мальчишка, который вырос за одну ночь, я вдруг осознаю, какая она маленькая. Я никогда об этом не думал и теперь смотрю сверху вниз на ее простое личико, будто видя его впервые. Мне хочется обнять ее, но я сдерживаюсь. Вместо этого она сама берет меня за руку и сжимает.

– До свидания, Джон Лоури.

– До свидания, Дженни.

Она проходит со мной через дом и останавливается на переднем крыльце, глядя мне вслед, пока я спускаюсь по ступенькам на улицу.

– Джон! – зовет она.

Звук моего имени, такого одинокого без фамилии, заставляет меня замереть. Я оборачиваюсь.

– На самом деле оно того стоит.

– Оно – это что, Дженни?

– Любовь. Она стоит боли. Чем больше любишь, тем больше. Но она того стоит. Только она.

2. Переправа

Наоми

ПОСЛЕ УЖИНА МЫ с Уайаттом, Уиллом и Уэббом выходим за пределы огромного лагеря, состоящего из повозок и нетерпеливых переселенцев, и забираемся на утес, с которого открывается вид на город и берега бурной реки. Воды Миссури кучерявятся, как волосы Уэбба с утра, и изгибаются во всех направлениях. Я спросила у торговца в лавке с инвентарем – его фамилия Лоури, и он известен тем, что продает лучших мулов в округе, – почему эту реку называют Грязищей.

– Здесь илистое дно, оно все время меняет форму, появляются новые впадины и омуты. Вода бурлит и пенится, поднимает ил. Упадете в такую – нелегко будет выбраться.

Здесь все не так, как я ожидала. Мы прибыли сюда из Спрингфилда, штат Иллинойс, и поначалу мне казалось, что в Миссури все будет точно так же, как у нас. Но в Сент-Джозефе совсем не бывает тишины. Здесь нет спокойствия и простора. Из игорных домов доносится музыка, а пьют здесь, похоже, круглые сутки. Повсюду толпы: в лавках, у переправы, на аукционах. Даже возле почты собралась толпа. Все толкаются, спеша послать письма, перед тем как отправить-

ся в неизвестность. Закрывая глаза и думая о пути на Запад, я воображала бесконечные дали. Бескрайние просторы. Наверное, их я еще увижу, но точно не в Сент-Джо. Здесь, куда ни взглянешь, везде повозки, животные и люди – очень разные люди. Есть и оборванцы, и щеголи, и все одеты кто во что горазд. Белые и темнокожие, артистки и жены проповедников, никогда не расстающиеся с Библией. Одни продают, другие покупают, но всем, похоже, нужно одно – деньги... Или способ их заработать. Вчера, когда мы вышли из лавки Лоури, прямо по центральной улице прошлись индейцы. Их было, наверное, не меньше двух сотен, все в перьях и яркой раскраске. И люди расступились перед ними, как воды Красного моря. Они торопливо спустились к реке, чтобы, как и все остальные, переправиться на пароме, но никто не посмел отправить их в конец очереди. Уже потом я узнала, что это племя потаватоми. Я смотрела на них, пока Уайатт не схватил меня за руку и не потянул за собой.

– Хватит пялиться, Наоми. Может, им это не нравится, – одернул меня он.

– Я не пялюсь. Я запоминаю, – ответила я.

Вот и сейчас я занята тем же. Подмечаю детали и стараюсь сохранить их в памяти, чтобы воссоздать позже.

Цепочка повозок, ожидающих переправы через Миссури, тянется от причала до самых утесов, окружающих Сент-Джозеф. Все стремятся переправиться в первых рядах, чтобы успеть на свежие пастбища, поменьше глотать пыль в пу-

ти, разбивать лагерь на лучших местах и реже сталкиваться с болезнями. Мы планировали пересечь реку севернее, в Каунсил-Блафс, и отправиться в Орегон по северному пути. Но Каунсил-Блафс – это просто большой лагерь, где все дерутся за возможность первыми перебраться через реку, а безопасная переправа там не налажена. В Каунсил-Блафс всегда много мормонов, а мистер Колдуэлл не желает с ними путешествовать. Он терпеть не может мормонов, хотя, по-моему, никогда их не видел и вряд ли смог бы распознать при встрече. Мистеру Колдуэллу просто не нравятся люди, которых он не понимает. В этот список, как мне кажется, входят женщины, индейцы, дети, мормоны, католики, ирландцы, мексиканцы, скандинавы и любые другие люди, непохожие на него, то есть практически все.

До нас дошли слухи о том, что в Каунсил-Блафс нет паровых судов, а барки берут не больше двух повозок зараз и часто опрокидываются. Мы решили, что безопаснее будет начать путь южнее, пусть это и займет больше времени. К тому же мы слышали, что Сент-Джозеф – это настоящий город с магазинами и улицами. В Сент-Джо нас ждали лавки со снаряжением, паромы и мулы – хорошие миссурийские мулы.

У меня в голове мелькает воспоминание о младшем Джоне Лоури. Я прогоняю его образ из своих мыслей. Я весь день пытаюсь о нем не думать. Узнав, что он поедет с нами, я испытала странное предвкушение, но еще не успела разобраться в своих чувствах. Я рассчитываю обдумать все это перед

сном, когда кругом не будет болтливых братьев и захватывающих видов.

Мы хотели выйти из Сент-Джозефа с первым же караваном, но кроме нас было еще много желающих. Нельзя всем и сразу быть первыми. При нынешнем раскладе как бы нам не оказаться последними. Как только в прериях проросла трава, караваны начали выходить из перевалочных пунктов по всей реке, направляясь на Запад. Папа уже несколько недель говорит: «Выйдешь слишком рано – травы для животных еще нет. Выйдешь слишком поздно – и ее уже нет, первые караваны всю подъели». И еще он тысячу раз повторил: «Выйдешь рано – замерзнешь и умрешь с голоду на равнинах; выйдешь поздно – замерзнешь и умрешь с голоду в горах».

Рано ли, поздно ли, а мне уже не терпится отправиться в путь. Я никогда в жизни ничего так не ждала. Сама не знаю почему. Я никогда особенно не стремилась перебраться на Запад. Это была мечта Дэниэла. Именно он убедил наши семьи продать фермы в Иллинойсе и отправиться в Калифорнию. Дэниэл нас всех уговорил, но ему самому не суждено было дожить до этого дня. Через три месяца после нашей свадьбы, всего за несколько дней до моего девятнадцатилетия, он вдруг слег и сгорел за неделю. Когда Дэниэл умер, я подозревала, что беременна, но через несколько дней после его смерти у меня начались сильные боли и кровотечение, которые развеяли мои страхи. Я была убита горем... Но в то же время испытала облегчение. Достаточного того, что я

стала вдовой; я не готова была справляться еще и с ролью матери. Мне трудно было объяснить эти чувства так, чтобы они не показались недостойными хотя бы мне самой. Поэтому я даже не пыталась их объяснить. По-моему, если не лукавить, в каждом из нас найдется что-то недостойное. У всех есть дурные мысли и страхи. Все мы люди.

После смерти Дэниэла я ужасно по нему скучала, но старалась не поддаваться тоске. Это было бессмысленно. Страдания ни к чему не ведут, а я не из тех, кто упивается своим горем. Я предпочла разозлиться. С головой ушла в работу и трудилась от рассвета до заката. Шел сезон посева, работы хватало. Вот я и взялась за нее. Я вложила весь свой гнев в землю, в которой теперь покоился мой муж, вместо того чтобы поливать слезами его могилу. И только потом, одним воскресным вечером, когда мы уже собрали урожай, а за окном начало холодать, я вдруг, сидя за столом, обнаружила, что рисую его лицо. И почувствовала, что не могу остановиться. Рисунок за рисунком я изображала Дэниэла в разные периоды его жизни. Вот он совсем мальчишка, дергает меня за косички и гоняет кур. Дэниэл-брат. Дэниэл-сын. Дэниэл-муж. И Дэниэл в могиле.

Тогда наконец пришли слезы. Я плакала и рисовала, пока пальцы не одеревенели и не стали похожи на когти. Но из всех портретов я оставила себе только один. Еще один я подарила его матери – рисунок, изображавший неулыбчивое лицо молодого мужчины, за которого я вышла замуж.

Остальные я закопала в землю рядом с его могилой.

С тех пор я так больше не плакала. Мне по-прежнему больно, но прошло уже больше года, и я смирилась. Колдуэллы твердят, что я теперь одна из них, часть семьи, но мне, как и раньше, кажется, что я Мэй, и без Дэниэла меня мало что с ними связывает. Когда я сообщила им, что отправлюсь на Запад в повозке родителей, мистер Колдуэлл бурно возражал, а Эмельда, его жена, посмотрела на меня полными обиды глазами, так похожими на глаза моего мужа.

– Я нужна маме, – объяснила я свое решение.

И не соврала. Однако главная причина была в том, что мне невыносимо общество Лоуренса Колдуэлла. Если бы Дэниэл остался жив, я бы точно сошла с ума к концу путешествия. Их дочь Люси и зять Адам Хайнз поедут с ними, как и шестнадцатилетний сын Джеб. Так что обойдутся без меня. И еще у меня все волосы на теле встают дыбом, когда меня называют миссис Колдуэлл. Отец Дэниэла упрямо зовет меня вдовой Колдуэлл, как будто я перескочила через молодость и резко стала старой. По-моему, он просто любит привлекать внимание к смерти сына. Это заставляет всех быть к нему добрее, а еще он таким образом заявляет свои права на меня. Только мама и братья по-прежнему называют меня Наоми. Пожалуй, положение вдовы дает мне некоторую свободу, которой лишены другие девушки моего возраста, если считать за свободу небольшие поблажки в отношении того, как я себя веду и что говорю. Услышав мою историю, люди обычно

качают головой и цокают языком, иногда осуждающе, но чаще всего сочувственно, и, как правило, меня оставляют в покое, а мне большего и не нужно.

Уэбб дергает меня за юбку и показывает на реку. Слова вылетают из его рта одно вперед другого:

– Вон мистер Лоури! И мулы с ним. Смотри, какие ослики! Это мамонтовые. Для вязки с лошадьми.

Для восьмилетнего ребенка мой братец многовато знает о вязке, но я не сомневаюсь, что он прав. Уэбб продолжает тараторить что-то о жеребцах и ослицах и их потомстве, лошаках, которые, судя по всему, во многом уступают мулам.

Джон Лоури окружен другими фигурами, так что мне не сразу удастся выцепить его взглядом. Старший мистер Лоури, чья белая седина мгновенно бросается в глаза, идет позади, размахивая шляпой и подгоняя животных. Двенадцать мулов, выстроенных в две длинные цепочки, следуют за лошадью Джона Лоури-младшего, а замыкают строй два осла, которыми так восхищался Уэбб. Все это прекрасные животные. Ослы черные и тонкие, с длинными ушами, узкими мордами и огромными глазами. Они выглядят почти комично, как детские рисунки, которые спрыгнули с листа и увеличились. Несмотря на тонкие ноги и узкие бедра, это самые крупные ослы из всех, что я видела в своей жизни. В холке они не уступают мулам Лоури, которые стройными рядами несутся к воде.

Джон Лоури-младший без малейшего сомнения посыла-

ет свою лошадь, гнедую с мощными задними ногами и толстой шеей, прямо в грязную воду. Мулы и ослики следуют за ним, стоит их немного подогнать, и тут же пускаются вплавь к противоположному берегу. Примерно в то же самое время на воду выходит ялик с крупным чернокожим на веслах. Суденышко держится на небольшом расстоянии от Джона Лоури и его табуна. Наверное, Лоури нанял этого человека, чтобы перевезти свои вещи через реку, не намочив их во время переправы.

– Смотри, как плывут! – вопит Уэбб, прыгая и размахивая руками с одобрительными криками.

– Со стороны выглядит так просто, правда? – вставляет Уайатт. Он выражает свои восторги более сдержанно, но так же зачарованно следит взглядом за переправой. – Все остальные толкаются в очереди, а он берет, заходит в реку и переплывает ее.

– Мистер Лоури даже не попрощался с папой, – говорит Уилл.

Уголки его рта печально опущены, а глаза неотрывно следят за старшим Джоном Лоури, который наблюдает за переправой. Отец не машет рукой и ничего не кричит на прощание. Он молча, не двигаясь смотрит на реку, пока его сын и ялик не достигают берега. Тогда мистер Лоури отворачивается, надевает шляпу и поднимается по берегу к главной дороге. На таком расстоянии я не вижу его лица, но идет он медленно, слегка ссутулившись, и меня вдруг охватывает

необъяснимая грусть.

– Ты чего плачешь, Наоми? – встревоженно спрашивает Уилл, и только тогда я осознаю, что и впрямь заплакала.

Двенадцатилетний Уилл гораздо чувствительнее всех своих братьев, вместе взятых, и замечает то, чего не видят остальные. Может, дело в том, что он средний, но так уж вышло, что в семье ему досталась роль миротворца, так что все споры и ссоры становятся для него личной трагедией.

– Не знаю, Уилл. Просто взгрустнулось что-то.

– Ты скучаешь по Дэниэлу? – спрашивает он, и я тут же испытываю укол совести оттого, что плачу не об умершем муже, а о чужом, незнакомом человеке.

– Ты боишься переправы? – встречается Уэбб, тем самым спасая меня от ответа.

Уилл продолжает вглядываться в мое лицо, так что я утираю слезы и улыбаюсь.

– Нет. Не боюсь. Просто не люблю прощаний, – объясняю я.

– Папа говорит, как только мы отправимся в путь, дороги назад не будет. Так что я постоянно прощаюсь со всем, что вижу. Но я рад, что мулы и ослики мистера Лоури еще побудут с нами, – восторженно заканчивает Уэбб.

– Хочешь, вернемся в лагерь, Наоми? – хмурится Уилл.

– Нет. Я хочу немного порисовать. Посидите со мной?

Уилл покладисто кивает, а уж Уайатт с Уэббом только рады побыть здесь подольше. На баржу загоняют животных,

которые не желают стоять смирно. Пока одного мула заводят на борт, другой спрыгивает с баржи прямо в воду, что вызывает у моих братьев бешеный восторг. Они смеются до упаду, пока Уэбб не жалуется, что вот-вот описается. Уайатту приходится вести его в кусты помочиться.

На причале толпятся люди, приключения уже ждут, но голова у меня забита другим. Я не свожу взгляда с бумаги, воссоздавая по памяти множество лиц, которые видела в Сент-Джо за прошедшие три дня и которые не хочу забывать. Я рисую, пока солнце не начинает опускаться за горизонт, окрашивая море повозок, покрытых белой холстиной, в нежно-розовый цвет. Тогда мы с братьями спускаемся с холма и возвращаемся к семье, предвкушая завтрашний день.

* * *

Мы просыпаемся засветло. К тому моменту как солнце начинает окрашивать небо в красный, мы успеваем собраться и выдвинуться к парому Деккера. Одна из наших повозок папина, вторая принадлежит моему старшему брату Уоррену и его жене Эбигейл. Папа подумывал взять третью, ведь нас так много, но засомневался, что Уайатт в одиночку управится с животными, которые будут ее тянуть. У Эбигейл и Уоррена пока нет детей, и мы решили, что обойдемся двумя фургонами. У Колдуэллов тоже две повозки, а еще дюжина

голов домашнего скота. Боюсь, в дороге ни секунды нельзя будет отдохнуть от бляянья и криков.

Через час с небольшим мы доходим до поворота на короткую дорогу. Указатель направляет нас в болотистый лес, такой густой и глухой, что мы тут же погружаемся во мрак, похожий на предрассветную темноту. Папа злится и вслух сомневается в благоразумии и добрых намерениях мистера Лоури. Мистер Колдуэлл едва не поворачивает обратно в Сент-Джо, а его сын Джеб и мои братья выбиваются из сил, пытаясь не дать животным разбежаться, пока мы пробираемся между деревьев, обходя грязь.

— Эдак мы навечно застрянем в этом лесу, Уинифред, — ворчит отец, обращаясь к маме. — Может, они специально посылают сюда наивных путников, чтобы те заблудились и можно было их ограбить.

Мама не отвечает и молча шагает рядом, обхватив руками свой огромный живот. Это она передала папе совет мистера Лоури про паром выше по течению. Может, мама и тревожится, но виду не подает. Но через час мы, несмотря на усталость и настороженность, оказываемся первыми в очереди на паром. За один раз нам удастся переправить обе повозки, восемь волов, двух мулов, двух коров и восемь человек. Колдуэллы перебираются через реку сразу же после нас вместе со всем скотом и повозками. Обе переправы, к разочарованию Уэбба, проходят без происшествий, и папе приходится взять свои слова назад, хоть он и бормочет, что лучше бы

простоять в очереди целую неделю, чем еще раз срезать дорогу через такой лес. Мама лишь поглаживает его по руке. Так или иначе, мы первыми из всего каравана прибываем к назначенному месту сбора.

Прошлой весной мы упустили возможность уехать. Смерть Дэниэла выбила почву у нас из-под ног. Еще целый год мы ждали и планировали путешествие. Потом мама забеременела, и уже казалось, что придется снова все отложить. Мы надеялись, что ребенок родится до того, как мы отправимся в путь, но этого не произошло, а караван нас дожидаться не станет. Роды могут начаться когда угодно. Мама полагает, что у нее еще есть неделя-другая в запасе, но настаивает, чтобы мы придерживались изначального плана. А папа всегда слушает маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.